

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR

УДК 7.01

ББК 71.1

DOI 10.34685/NI.2026.62.37.005

«ДА ПРЕБУДЕТ ВЕСТЬ: ХРИСТОС ВОСКРЕС!» ХРИСТИАНСКАЯ ТЕМА В ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (А. БЕЛЫЙ, А БЛОК, Н. ГУМИЛЁВ)*

Казин Александр Леонидович,

Доктор философских наук, профессор,
научный руководитель Российского института истории искусств,
профессор Санкт-Петербургского государственного
института кино и телевидения,
Исаакиевская площадь, дом 5, Санкт-Петербург,
Российская Федерация, 190000,
alkazin@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена одной из главных тем философии и искусства Серебряного века — отношению к христианству. Для символизма образ Христа представлял как один из многих божественных имён-символов, хотя и первым в их ряду. Особенно это касается прозы и поэзии Андрея Белого. В творчестве Александра Блока этот образ-символ изменялся по мере духовного роста поэта. В поэтическом мире зрелого Николая Гумилёва Христос занимал безусловно центральное место.

Ключевые слова

Русская философия и поэзия, символизм, акмеизм, религия, христианство, мистика, антропософия, революция.

Поэт в России больше, чем поэт — эта известная формула вполне отражает существо дела. Речь идёт о месте искусства — поэзии,

в частности, — в структуре идеократической цивилизации, то есть цивилизации, развёрнутой по ценностной вертикали. Проще говоря,

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

о цивилизации/культуре, не забывшей Бога, хотя и воспринимавшей его под различными образами и именами. Именно такой оказалась русская цивилизация к началу XX века.

В отличие от европейского, во многом искажённого христианства (папизм, гностицизм, лютеранство), русское историческое православие в основах своих сохранило верность благовестию Христа вплоть до начала петровских реформ, когда ему пришлось столкнуться с открытыми формами западного атеизма и материализма. Не будем здесь углубляться в непростую историю их взаимоотношений. Напомню только, что весь XIX век, от Пушкина и Гоголя до Достоевского и Толстого, от Киреевского и Хомякова до Данилевского и Леонтьева, от Глинки до Мусоргского и Римского-Корсакова, был посвящён защите, сохранению и развитию тех духовно-творческих начал, которые восходят на Руси к древним софийским соборам, к молитвам и трудам Сергия Радонежского и Серафима Саровского, к рублёвской «Троице», созерцанием которой побеждается ненавистная рознь мира сего. Именно благодаря указанному процессу отечественная культура начала прошлого столетия сумела выйти на то смысловое поле, которое позволило ей даже в условиях торжествующего общеевропейского модерна оставаться в глубинном плане *классической*: классика — культура перед лицом Бога, модерн — искусство перед лицом человека.

В предлагаемой статье я постараюсь показать это на материале творчества трёх крупнейших поэтов Серебряного века — Андрея Белого, Александра Блока и Николая Гумилёва. У каждого из них «свой» Христос: космический лик у Белого, русский и революционный — у Блока, вероисповедный — у Гумилёва. Начнём с наследия Андрея Белого как главного теоретика русского символизма.

Образ Христа присутствует у Белого всюду — в прозе, поэзии, публицистике, эстетике. Иногда всё творчество Андрея Белого называют эстетическим христианством. В юности этот будущий символист-антропософ прошёл через культ св. Серафима Саровского, но позже, на рубеже 1910-х годов, пытался построить всеобъемлющую теорию символизма как жизнестроения, в котором мистика, искусство, наука, религия, философия, политика составляли бы органические элементы единого творческого синтеза. В качестве принципа-лозунга искомой универсальной теории/практики Белый выдвинул формулу: Символ есть

Единое. Обоснованию этой мысли посвящена его книга «Символизм» 1910 года с её центральным разделом «Эмблематика смысла». И хотя многие профессиональные философы, такие, например, как Ф.А. Степпун или Г.Г. Шпет, свысока относились к теориям Белого, нельзя пройти мимо них, так как без этого невозможно понять отношение Белого к христианству — и, соответственно, христианства к творчеству Андрея Белого.

«Мысль автора «Символизма» сосредоточена на определении Символа как всеобщей культуро-созидающей категории. Не случайно книга «Символизм» открывается небольшой вступительной статьёй «Проблема культуры». Такая постановка вопроса свидетельствует о том, что образы искусства, понятия науки, моральные заповеди, равно, как и ключевые имена мировых религий, для автора суть прежде всего культурные символы — не более того и не менее. Для Белого-символиста неприемлема никакая отвлечённость, возведённая в метафизический абсолют — идея, бытие, воля. Это касается и традиционного понятия Бога. Однако для Белого-художника недостаточно теоретического отказа от вышеназванных «догматических» начал — он стремился овладеть всеобщим идеальным корнем сущего, всякое частное — в том числе религиозное — выражение которого, с символистской точки зрения, уже вторично. Этот корень и есть Символ. По существу, под Символом (с большой буквы) Белый понимал некий таинственный, нескончанный исток истории и культуры, да и самого бытия. *Символ как Единое неопределим никак*. Про него даже нельзя сказать, существует он или нет. Он лишь символизируется в бесконечных рядах творческих актов человека. Всё запредельное Символ делает интимно близким, и наоборот, всё личное возводит к потустороннему. Осознающий указанное единство символист как бы посвящается в новую, поистине авангардную религию, возвышаясь тем самым над всеми «историческими», «слишком условными» вероисповеданиями. Все они культурно равно правы и равно не правы перед лицом Символа»¹.

Таковы исходные условия символистской трактовки христианства. Подчеркнём, именно символистской, поскольку после 1913 года автор «Символизма», в определённом отношении, «пе-

1 Казин А. Л. Андрей Белый: Начало русского модернизма // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 8.

решил в другую веру» — антропософскую. И хотя Белый в 1928 году написал специальную работу «Почему я стал символистом и не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития», где доказывал свою верность ранее избранному мировоззрению-методу, всё же знакомство с Рудольфом Штейнером, последующая мистико-магическая практика и строительство антропософского храма в Швейцарии (1913–1916) оказались слишком радикальными духовными и экзистенциальными событиями, чтобы не затронуть глубинных основ его религиозно-творческого самоопределения. В первую очередь это касается образа Христа.

Среди имён собственных, присутствующих в произведениях позднего Андрея Белого, чаще всего встречаются эти два — Иисус Христос и Рудольф Штейнер. Мы имеем в виду не только его опубликованные в советской печати поэмы, романы и статьи, но и неопубликованные, или опубликованные частично, или увидевшие свет за границей, или вовсе не предназначавшиеся для печати (например, письма). Можно сказать, что Штейнер оказывается для Белого в этот период «вторым богом», автором «пятого евангелия». Причём особенно явно влияние мистического «доктора» ощущается именно в его «христианских» строках — как в поэзии, так и в прозе. Вплоть до своей смерти в 1934 году в качестве «советского писателя», Андрей Белый — убеждённый антропософ, в мировоззрении и творчестве которого «христианский импульс» выступает одним из аспектов — хотя и важнейшим — оккультно-символистского магического синтеза.

Выражаясь кратко, антропософия Штейнера — это мистическое учение, ставящее на место Бога обожествлённого человека. Всё, что происходит в антропософском космосе — особенно в переживании поэта Белого — это события внутри человеческого сознания и сверхсознания, расширенного до пределов вселенной. Христос здесь менее всего Христос Евангелия — это именно космический световой луч, оказывающийся вместе с тем лучом взгляда самого мистика-автора. В тексте одного из самых сильных стихотворений Белого, посвящённых «христианскому» истолкованию русской драмы 1917 года, мы встретим и кольца Сатурна (антропософская прародина людей), и фосфорически кипящее земное ядро — и Христа, сходящего к страждущей России именно с высоты этих космических иерархий:

«Родине»

«Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия,—
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины,—
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пеней,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слёз —
Лучом безглазого взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,—
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня.
Россия, Россия, Россия,
Мессия грядущего дня!»

Спаситель здесь — крылорукий дух, родственный по природе млечному пути, а вовсе не вторая ипостась Пресвятой Троицы, единосущный Создателю мира. Не говоря уже о том, что сами Сатурн и Млечный Путь в стихотворении Андрея Белого располагаются внутри беспредельного человекобожеского горизонта, они суть плоды инспирации и интуиции, но отнюдь не элементы реального космоса. «Религиозным — писал Белый-символист ещё в 1906 году — называю я всё, что, исходя явно или скрыто из постулата противоположения Я и не-Я, питает идею о их синтезе, соединении, которая и есть связь или религия»². Не удивительно, что Христос в такой системе координат оказывается именно «не-Я», то есть предстаёт перед лицом

2 Белый А. (Taciturno). Искусство прошлого и искусство будущего // Перевал. 1906. № 2. С. 50

всесильного магического Я человека. Такой же предстаёт и революция, «революция чистая, революция собственно», которая «ещё только идёт из туманов. Все иные же революции по отношению к этой последней — предупреждающие толчки, потому что они *буржуазны*»³ и находятся внутри истории.

В настоящей работе мы не можем подробно рассматривать все грани отношения Андрея Белого как писателя и мыслителя к христианству — от повести «Котик Летаев» 1915 года, где он описывает мистический опыт ребёнка, до «Записок чудака» (1919), где он повествует о своём близком к безумию состоянии после принятия антропософского посвящения. Пожалуй, наиболее выразительным является пассаж из письма о «Глоссоластии» (поэме о космическом звуке), где гностическая идея сотворения мира человекобогом доводится до предела, помещаясь у него... во рту: «Мир, строяемый языком в нашей полости рта, есть точно такой же мир, как вселенная: семь дней творения звуков во рту аналогичны семи дням творения мира; некогда слова оплотнеют материками и сушами, а языки превратятся в целые планетные системы со зверями, птицами и людьми; по отношению к этим мирам мы будем Элохимами»⁴.

Центральными произведениями Андрея Белого, связанными, так или иначе, с христианской темой, являются поэма «Христос воскрес» и цикл романов «Московский чудак», «Москва под ударом», «Маски», объединённых под названием «Москва» (1926–1932). Отметим, что всё это — произведения советского периода.

«Христос воскрес» — это непосредственная переключка с «Двенадцатью» Блока, написанная четырьмя месяцами позднее (апрель 1918 года). Кроме объединяющей их темы революции, в поэме Белого мы встречаемся даже с теми же героями — расслабленным интеллигентом, витийствующем о Константинополе, членами домового комитета, разбойниками и др. Однако Христос здесь иной, чем у Блока, или, скажем

Есенина — не «скифский» и не крестьянский (три поэта входили в первые годы революции в литературную группу «Скифы»), а Христос «световой атмосферы», хотя и явленный в сценах распятия предельно натуралистично:

1

«В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах,
В веках,
В народах,
В сплошных
Синеродах
Небес
– Да пребудет
Весть:
– «Христос
Воскрес!»
Есть.
Было.
Будет.

2

Перегорающее страдание
Сиянием
Омолнило
Лик,
Как алмаз,–
– Когда что-то,
Блеснувши неимоверно,
Преисполнило этого человека...»

Это начало поэмы. А вот 4-я глава:

«Кровавились
Знаки,
Как красные раны,
На изодранных ладонях
Полутрупа»
А вот — её завершение:
«Я знаю: огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас, -
Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека».

3 Белый А. Революция и культура // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т.2. М.: Искусство, 1994. С. 462

4 Белый А. Белый А. - Иванову-Разумнику Р. В. 5 сентября 1917 // Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Подготовка текста А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 133

Дело не в том, что казнь Сына Божьего представлена в поэме почти как у Гольбейна Младшего на картине «Мёртвый Христос», от которой, по отзыву одного из героев Достоевского, может вера пропасть. Дело в том, что и в начале, и в середине, и в конце поэмы образ Христа явлен читателю именно как образ *человека*: «Солнечного Человека», «омолненного» человека, но человека-бога, а не Богочеловека. И тогда раскрывается смысл мистерии, в которой революционная Россия становится облечённой солнцем Женой (один из главных символов русского символизма вообще), а молния-слово стоит посередине сердца каждого, причастного этому антропософскому чуду. «Моя воля с первых лет юности была бунтом дерзания, питаемой волей к новой культуре, а не смиренным склонением, питаемым богомольностью» — писал Белый в трактате «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития»⁵. И в таком плане он совершенно прав.

В 1923 году в Берлине вышел большой том Андрея Белого «Стихотворения». Вот что там говорится о поэме «Христос воскрес»: «Поэма была написана приблизительно в эпоху «Двенадцати» Блока; вместе с «Двенадцатью» она подвергалась кривотолкам; автора обвиняли чуть ли не в присоединении к коммунистической партии. На этот вздор автор даже не мог печатно ответить (по условиям времени), но для него было ясно, что появившись «Нагорная проповедь» в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения «большевизма» или «антибольшевизма». Что представитель духовного сознания и антропософ не может так просто присоединиться к политическим лозунгам, — никто не подумал; между тем тема поэмы — интимнейшие индивидуальные переживания, независимые от страны, партии, астрономического времени. То, о чём я пишу, знавал ещё мейстер Экхарт; о том писал апостол Павел. Современность — лишь внешний покров поэмы. Её внутреннее ядро не знает времени»⁶. Что верно, то верно: революция, и вообще вся злоба дня у поэта — лишь поверхностное отражение не-

бесной битвы. И Майстер Экхарт в XIII веке действительно касался этого в своей гностической (имманентистской) концепции фактического тождества Бога и человека, то есть был — на свой лад, разумеется — давним предшественником Р. Штейнера и самого Белого. Что же касается апостола Павла, то его учение о Втором лице Троицы не оккультно-антропософское и не магическое, а христианское. Бог-Сын у него не «вспыхнувшая вселенной» голова человекобога, а вочеловечившийся Дух, единосущный Отцу.

Цикл романов Андрея Белого «Москва» (1926–1932) — это своего рода завершение трилогии, начатой ещё в 1909 году «Серебряным голубем» и продолженной затем его знаменитым «Петербургом». Если «Голубь» ещё вполне символистский по мировоззрению и методу (обличение «дурного Востока» в России), то «Петербург» — уже наполовину антропософский (обличение «дурного Запада» в России). «Москва», по замыслу Белого, должна была в центральной своей идее преодолеть эти односторонности, и вывести на авансцену русской истории положительного героя (почти как у его любимого Гоголя во втором томе «Мёртвых душ»). По стилю письма «Москва», как и «Петербург» — всё та же изысканная «орнаментальная проза», однако главный герой её, профессор Коробкин — математический гений и русский патриот, сделавший открытие мирового (в том числе военного) значения, за которым охотится германский шпион-масон-иезуит Мандро, изнасиловавший собственную дочь. Как и многие другие произведения Белого, роман носит автобиографический характер — в частности, за фигурой Коробкина угадывается отец автора, а за образом дочери Мандро Лизаши — бросившая автора жена Ася⁷. Присутствует также в романе таинственный доктор Доннер (по-немецки «гром»), направляющий негодяя Мандро, и не менее могущественный Соломон Самуилович, по прямому поручению которого Мандро охотится за открытием Коробкина. Сквозной сюжет «Москвы» построен как история взаимоотношений Коробкина с Мандро, начиная с чудовищной пытки, устроенной Мандро профессору, и кончая, прощением Коробкина своему мучителю, с которым они стали «братьями в солнечном городе».

5 Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 424

6 Мочульский К.В. Андрей Белый// Мочульский К. В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М.: Республика, 1997. С. 356

7 Спивак М. Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 577

Не удивительно, что роман «Москва» прошёл цензуру Главлита — глубинная мистика действия была хорошо спрятана Белым за «антибуржуазным» повествованием, целью которого, как следует из авторского комментария, было показать тяжесть довоенной жизни в России, октябрьский переворот и «новый реконструктивный период»⁸. Вполне советская тематика. Однако на самом деле «Москва» — это апофеоз антропософского христианства неуклонного последователя Штейнера, начиная с космического посвящения («Открылась бездна, звёзд полна» — Михаил Ломоносов) и кончая прямым авторским указанием, что «звезда, упавшая свыше в разбитое отверстие черепной «коробки» Коробкина, есть его космическое расширение, делающее его воином *армии спасения мира от Дракона*»⁹. В любом случае, Белый мог сказать о себе что в «Москве» «я играл с ВКП(б) сложную партию игры; и эту партию я выиграл»¹⁰.

Обратимся теперь к смыслу и месту образа Христа в творчестве двух других великих поэтов первой трети XX века — Александра Блока и Николая Гумилёва.

Что касается Блока, то в определённом смысле можно сказать, что отношение поэта к христианству было более противоречивым, чем у Андрея Белого (и тем более у Гумилёва, о чём ниже). В молодости, в период «Прекрасной Дамы», Блок писал, что ищет защиты у Христа от своего собственного образа, «дьявольского и дикого», но в ответ «смеются лживые уста»:

«Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.

В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа.
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с изменённым ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать.
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать».

В 1909 году Блок создаёт стихотворение «Благовещенье», в котором строгий православный взгляд может усмотреть прямое кощунство:

«Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: "Profani, procul ite,
Nis amoris locus sacer est"
(Идите прочь, непосвящённые:
здесь свято место любви (лат.)

По воспоминаниям Вл. Пяста, Блок говорил ему, что Христа «не знал никогда»¹¹. Однако решительнее всех критиковал своего друга-врага как раз Андрей Белый — за «предательство» мистических (соловьёвских) идеалов младосимволизма, за измену Прекрасной Даме, за «Балаганчик» и «Нечаянную Радость» («отчаянное горе»), за «тончайший демонизм» с рыскающим по русским оврагам лешим, где Блок увидел «своего полевого Христа»¹². Идеальный спор, как известно, едва не дошёл у них до дуэли. Блок отвечал Белому в письмах, что никого и ничего он не предавал, но всегда оставался верен себе: «В основании моей души лежит не Балаганчик, клянусь»¹³. Дело тут, разумеется, не в оправданиях — дело в «самом самом» Блока, в характере его религиозного акта — интимно личного, тайного, избегающего готовых формул. Отсюда его резко негативное отношение

8 Белый А. Как мы пишем. О себе как о писателе // Белый А. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публицистика. М.: Советский писатель, 1988. С. 23

9 Белый А. Белый А. — Иванову-Разумнику Р. В. 26 ноября 1926 // Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Подготовка текста А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 426

10 Лавров А. В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 304

11 Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб.: Атений, 1923. 106 С. 30

12 Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т.2. М.: Искусство, 1994. С. 415

13 Блок А. А. А. Белому 17 августа 1907 // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т.8. М.:Л. Художественная лит., 1963. С. 201

к «публичной мистике» Религиозно-философских собраний: «Ведь они говорят о Боге, о том, о чём можно только плакать одному, шептать вдвоём, а они занимаются этим при обилии электрического света; и это — тоже потеря стыда, потеря реальности; лучше бы никогда ничем не интересовались и никакими «религиозными сомнениями» не мучались, если не умеют молчать и так смертельно любят соборно сплетничать о Боге»¹⁴. Отсюда же своего рода «двоеверие» Блока: он последовательно защищал так называемое «народное православие», в том числе сектантство, противопоставляя его ложной, как ему тогда казалось, «официальной» церковности (он не знал ещё в 1909 году, что многим из этих «официальных церковников» скоро предстоит своя Голгофа). В частности, он высоко ценил письма и стихи старообрядца Николая Клюева, а В.В. Розанову с вызовом сообщал, что не пойдёт в «государственную церковь» на Пасху¹⁵.

По сути, у Блока на протяжении всего его религиозно-мистического пути был свой непреложный крест — Россия в единстве её высоких и низких, святых и грешных ипостасей. Поэтически он засвидетельствовал это в софийном цикле «На поле Куликовом», и во многих отдельных стихах:

«Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...
Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слёзы первые любви!
Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит и обманет, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...
Ну что ж? Одной заботой боле —

14 Блок А. А. Литературные итоги 1907 года // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т.5. М.;Л.: Художественная лит., 1962. С. 211

15 Блок А. А. В. В. Розанову 17 февраля 1909 // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т.8. М.;Л.: Художественная лит., 1963. С. 275

Одной слезой река шумней
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...
И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!»

Что касается *мысли* Блока о путях России в метаистории, то она ясно представлена, среди прочего, в письме поэта тому же Розанову от 20 февраля 1909 года. «...Если где такая Россия «мужает», то, уж конечно, — только в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу, науку и философию, молодого мужика, сдержанно раздумывающего думу «всё об одном», и юного революционера с сияющим правдой лицом, и всё вообще непокладливое, сдержанное, грозное, пресыщенное электричеством. С этой грозой никакой громоотвод не сладит»¹⁶.

Как видим, отношения с Богом мистически переплелись у Блока с Россией и революцией. И в январе 1918 года (время написания «Двенадцати») Христос явился ему с принудительной силой: «...именно Христос идёт сейчас с ними» (с красногвардейцами — А.К.)¹⁷ (Комментарий 1). И в другом месте: «Чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа»¹⁸. Конечно, это был символистский Христос, по сути неотличимый от Софии-Премудрости («женственный призрак»), а поэма «Двенадцать» оказалась своего рода «русским апокалипсисом»¹⁹. И своей публицистикой 1918–1920 годов Блок доказал, что готов сражаться за этот «апокалипсис», а не только отдаваться «музыке революции». Андрей Белый

16 Блок А. А. В. В. Розанову 20 февраля 1909 // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т.8. М.;Л.: Художественная лит., 1963. С. 277

17 Блок А. А. Дневник. 20 (7) февраля 1918 // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т.7. М.;Л.: Художественная лит., 1963. С. 326

18 Чуковский К. И. Дневник. 5 июля 1919 // Чуковский К. И. Дневник. 1901 - 1929. М.: Современный писатель, 1997. С. 114

19 Сокурова О. Б. Поэма А. Блока «Двенадцать» и путь России // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917–2017: в 3 т. Т. 1. СПб.: Алетей, 2016. С. 29–66.

удивлялся: «Поражаюсь мужеством твоим...», и советовал ему быть политически осторожнее²⁰. Не случайно Даниил Андреев в своих трансцендентальных путешествиях «Розы мира» встречал Блока в «мирах восхождения», и свидетельствовал, что поэт прощён и введён в синклит России²¹. В дневнике Блока есть запись о том, что вечер 3 января 1918 года он провёл с Сергеем Есениным, который читал ему отрывки из только что написанной поэмы «Инония» с оскорбительными — если называть вещи своими именами — выражениями о Христе. Блок даже отметил в связи с этим есенинскую «ненависть к православию»²². Выскажу предположение, что, быть может, существует некая скрытая — причём полемическая — связь между тематикой этой беседы и образом Христа в финале «Двенадцати», написанных через несколько дней, в том же январе 1918 года. Во всяком случае, в отношении образа Спасителя пути двух поэтов на тот момент решительно разошлись.

Если говорить о Николае Гумилёве, то следует сразу подчеркнуть центральное место христианской темы в творчестве этого поэта, начинавшего как символист, но оказавшегося позже в жёсткой оппозиции к ним. Именно у Гумилёва православный Христос является, в конечном счёте, вершиной религиозного становления и художественно-мировоззрения поэта-воина.

Конечно, указанное становление не было простым. В 1910 году, в возрасте 23 лет, Гумилёв пишет стихотворение «Христос», где образ Спасителя является сугубо надмирным, трансцендентным («искатель небес»), а земная жизнь людей (рыбаки, пастухи и пр.) — чем-то лишним:

«Он идёт путём жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.
"Здравствуй, пастырь!

Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.
Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!
Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.
Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца".
Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес».

В приведённых строках присутствует очевидная переключка с рядом тем Андрея Белого («космический» Христос), а также удивительное совпадение словесных характеристик Спасителя с будущими «христологическими» метафорами Блока («жемчужный», «нежный»). Литературоведам хорошо известно, что Гумилёв начинал своё поприще как ученик символистов²³, хотя дальнейшее его восхождение по иерархии смыслов привело поэта к резким спорам с ними. Со временем символистская полисемантическая поэтика ему начинает представляться «намёком на содержание выеденного яйца», а тайные мистические (гностицистские) искания уступают место смиренномудрию перед величием Творца и преклонением перед Его страданиями:

«Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: "Пусть плохо мне приходится,
Было хуже Богу моему
И больше было Богородице"».

В свете целостного христианского миропонимания жизнь и смерть открываются теперь Гумилёву как движение к Богу, ждущего от человека ответной любви и жертвы:

20 Белый А. Белый А. — Блоку А. // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903 - 1919. М.: Прогресс-Пледа, 2001. С. 513

21 Андреев Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Московский рабочий, 1995. С. 607

22 Блок А. А. Дневник. 4 января 1918 // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т.7. М.;Л.: Художественная лит., 1963. С.313

23 Зобнин Ю. В. Гумилев — поэт православия. СПб.: СПбГУП, 2000. С. 384

«...Когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас —
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придёт их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда».

Конечно, это были не только слова Гумилёва — это были дела. В 1914 году он пошёл добровольцем на фронт, воевал в конной разведке и заслужил два боевых Георгиевских креста (почти единственный пример такого рода среди поэтов Серебряного века). Более того, сражение за Веру, Царя и Отечество понималось им как религиозный акт:

«И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.
Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.
Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: "Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!"»

В 1918 году он вернулся из Европы в советскую Россию, хотя был убеждённым монархистом, и мог бы остаться во Франции или в Англии в полной безопасности. Перед отъездом из Лондона он встречался с Гилбертом Честертоном, который вынес после той встречи следующее

суждение: «В нём (в Гумилёве — А.К.) было что-то такое, что есть в каждом большевике; что-то, что я чувствовал в каждом русском, которого встречал. Могу только сказать, что когда он выходил из двери, то чувствовалось, что он с тем же успехом мог выйти из окна. Он не был коммунистом, но был утопистом, и его утопия была намного, намного безумнее любого коммунизма. Его практическое предложение заключалось в том, что только поэтам должно быть позволено править миром. Он сам был, как он серьёзно объяснил, поэтом. Но он был вежлив и лестен в том, что выбрал меня, как поэта, абсолютным и самодержавным правителем Англии. Д'Аннунцио был также возведён на престол, чтобы править Италией. Анатолий Франс был возведён на престол, чтобы править Францией. Себе он оставил Россию»²⁴.

По возвращении в Петроград Гумилёв пытался по мере сил осуществить свою «царскую идею» на практике, хотя внешне его творческая и общественная деятельность приобрела в это время почти лояльный к советской власти характер (работа в созданном М. Горьким издательстве «Всемирная литература», руководство творческими студиями, чтение лекций в Институте истории искусств; в 1918 году выходит сборник стихов Гумилёва «Костёр»). Однако это не помешало ему принять активное участие в монархическом заговоре (подробно см. об этом названную книгу Ю. Зобнина). В этом плане основы его религиозно-поэтического (и религиозно-политического) мировоззрения остались непоколебленными, в точном соответствии с христианской формулой:

«Есть Бог, есть мир; они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.
Но всё в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога».

В ночь с 25 на 26 августа 1921 года Николай Гумилёв был расстрелян. Перед расстрелом на стене камеры он написал: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь».

Подведём итог нашему рассмотрению христианской темы в творчестве Белого, Блока и Гумилёва.

24 Честертон Г. К. Автобиография [Электронный ресурс] URL: <https://predanie.ru/book/70796> — avtobiografiya/ (дата обращения 16.10.2025)

Как было сказано выше, русская литература (и философия) Серебряного века — это литература эпохи модерна, которая, в отличие от европейской, сохранила первичную связь с благовестием Спасителя даже в условиях антропоцентрического проекта человекобога. Бог умер, по Ницше. Однако русские философы и поэты внутренне не согласились с этим, хотя на уровне своей религиозно-мистической образности и ценностных рефлексий они, несомненно, отдали дань тенденциям переломной эпохи. Наиболее значительное место — во всяком случае, по объёму текста — религиозная проблематика занимает у автора поэмы «Христос воскрес» и романа «Москва». Вместе с тем для Андрея Белого и то и другое — во многом специфическая символистско-антропософская «мозговая игра» внутри черепной коробки автора/героя (отсюда и псевдоним «Коробкин»). Надо отдать должное Белому: в годы торжествующего атеизма он оставался глубоко верующим писателем и мыслителем-идеалистом, верным сыном России. Другое дело, что, по точному суждению Н.А. Бердяева, Белый «обоготворяет лишь собственный творческий акт. Бога нет как Сущего, но божествен творческий акт. Бог творится»²⁵. Этот отзыв относится к эпохе «Символизма», но, с поправкой на оккультное учение германского «доктора», это целиком применимо и к автору «Москвы». «К Абсолютному нет путей, которые начинались бы не с Абсолютного, на первой ступени надо уже быть с Богом, чтобы подняться на следующие»²⁶. Если в первое (собственно символистское) десятилетие творческой жизни Белого религия делается у него искусством, то позднее она становится гнозисом, молитва — медитацией, творчество — практической магией. Противостояние святое/грешное во многом заменяется оппозицией знание/незнание, могущество/немошь.

Иначе выстраивалась христианская тематика в миропонимании и в стихах Александра Блока. Будучи поначалу в рефлексивной оппозиции к каноническому христианству как систематическому вероучению, художественно Блок всегда соотно-

сил с образом Христа свой личный и поэтический опыт — в том числе и в негативном ключе. Вместе с тем, Христос постоянно оставался для поэта своего рода лирическим камертоном, тихий зов которого нередко перекрывал у него более мощные и грубые звучания тёмного «духа музыки». А в финале его духовно-творческого пути тема невидимого Христа настолько усилилась, что он услышал её буквально физически. Именно по этой причине образ Спасителя завершает его великую поэму «Двенадцать» — этот русский апокалипсис XX века.

Что касается наследия Николая Гумилёва, то здесь дело обстоит, в определённом смысле, наиболее просто. За исключением раннего периода увлечения символизмом, Гумилёв как поэт и воин всю жизнь защищал Христа одновременно пером и мечом. И погиб с именем Спасителя на устах, оставив потомкам удивительный пример личного и творческого мужества. Не случайно Владимир Набоков, восхищавшийся Гумилёвым, посвятил ему выразительную эпитафию: «Гордо и ясно ты умер, умер, как Муза учила. Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящеммедном Петре и о диких ветрах африканских — Пушкин».

Комментарии

1) На той же странице Блок добавляет курсивом: «Россия заразилась уже здоровьем человечество».

Список литературы

Зобнин Ю. В. Гумилев — поэт православия. СПб.: СПбГУП, 2000. 384 с.

Казин А. Л. Андрей Белый: Начало русского модернизма // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 8.

1. Лавров А. В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 513 с.

2. Мочульский К.В. Андрей Белый // Мочульский К. В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М.: Республика, 1997. С. 257–372.

3. Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб.: Атеней, 1923. 106 с.

4. Сокурова О. Б. Поэма А. Блока «Двенадцать» и путь России // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917–2017: в 3 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2016. С.29–66.

5. Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. 577 с.

25 Бердяев Н. А. Русский соблазн (по поводу «Серебряного голубя» А.Белого) //Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 434

26 Там же. С. 435

6. Честертон Г. К. Автобиография [Электронный ресурс] URL: <https://predanie.ru/book/70796> — avtobiografiya/ (дата обращения 16.10.2025)

7. Чуковский К. И. Дневник. 5 июля 1919// Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М.: Современный писатель, 1997. С. 114–115.

LET THE NEWS BE: CHRIST IS RISEN!" THE CHRISTIAN THEME IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL POETRY OF THE SILVER AGE (A. BELY, A. BLOK, N. GUMILYOV)

Alexander LKazin,
D.Sc. (Philosophy), Professor,
Scientific Director of the Russian Institute of Art History,
Professor of the St. Petersburg State Institute of Cinema and Television,
St. Petersburg, Russian Federation,
alkazin@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to one of the main themes of the philosophy and art of the Silver Age — the attitude towards Christianity. For symbolism, the image of Christ appeared as one of many divine names-symbols, although it was the first in their series. This is especially true for the prose and poetry of Andrei Bely. In the works of Alexander Blok, this image-symbol changed as the poet's spiritual growth progressed. In the poetic world of the mature Nikolai Gumilyov, Christ undoubtedly held a central place.

Keywords

Russian philosophy and poetry, symbolism, acmeism, religion, Christianity, mysticism, anthroposophy, revolution.